

Для цитирования: Аласания, К. Ю. Разрушение духовных ценностей России как цель современной цивилизационной войны / К. Ю. Аласания, Е. Н. Моцелков // Социум и власть. — 2024. — № 4 (102). — С. 58–69. — DOI 10.22394/1996-0522-2024-4-58-69. — EDN QULETH.

УДК 327.8

EDN QULETH

DOI 10.22394/1996-0522-2024-4-58-69

РАЗРУШЕНИЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИИ КАК ЦЕЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Аласания Кира Юрьевна,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
доцент кафедры философии
политики и права,
доктор политических наук, доцент.
Москва, Россия.
ORCID: 0000-0002-7452-8882
E-mail: alasaniak@yandex.ru

Моцелков Евгений Николаевич,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
заведующий кафедрой философии
политики и права,
доктор политических наук, профессор.
Москва, Россия.
ORCID: 0000-0001-6608-2027
E-mail: enm@inbox.ru

Аннотация

Введение. Сегодня, в эпоху радикальных геополитических столкновений, вопрос о ценностных основаниях укрепления и развития российского государства и общества встает с особой остротой. Авторы статьи исходят из того, что специфика текущих социально-политических трансформаций может быть описана в терминах цивилизационного противостояния или «цивилизационной войны».

Цель. Выявить аксиологические аспекты цивилизационной войны, главной целью

которой является разрушение системы духовных ценностей России.

Методы. Методологическую основу исследования составляют цивилизационный подход, опирающийся на представление о культуре как духовном образовании, в основе которого лежит определенная ценностная система, а также исторический и компаративный методы, позволяющие оценить динамику цивилизационных взаимодействий.

Научная новизна исследования. В статье приводится последовательная аргументация того, почему духовные ценности, наряду с территориями, промышленным потенциалом, природными ресурсами, можно и нужно рассматривать как важнейшую цель цивилизационной войны, которую в настоящее время коллективный Запад ведет против России.

Результаты. В статье раскрываются основные направления и цели цивилизационной войны. Среди этих направлений — замена традиционных ценностей антихристианской, постмодернистской моралью, а точнее, аморализмом; снижение уровня и качества системы образования на основе болонской системы; отрыв сознания населения от национальных исторических корней; разжигание противостояния отдельных групп населения на национальной и конфессиональной почве.

Выводы. Авторы статьи приходят к выводу о том, что уникальность и самобытность ценностного ядра российской цивилизации дает возможность говорить об успешном сопротивлении давлению Запада в условиях цивилизационной войны.

Ключевые слова:

духовные ценности,
цивилизационная война,
Россия,
Запад,
культура

Поступила: 01.09.2024

Принята: 26.11.2024

Дата печати: 30.12.2024

*Права: © Аласания К. Ю.,
Моцелков Е. Н. (2024).*

*Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0*

Введение

Цивилизация — одно из понятий, научные споры вокруг определения и сущностных характеристик которого ведутся до сих пор. В фокусе дискуссий традиционно оказывается соотношение понятий «цивилизация» и «культура». В контексте настоящей статьи концептуальная связка «цивилизация — культура» имеет особое значение, поскольку благодаря рассмотрению этого соотношения, довольно четко проявляются аксиологические аспекты цивилизационной проблематики.

В знаменитой работе «Столкновение цивилизаций» Самуэль Хантингтон, рассуждая о соотношении цивилизации и культуры, говорит о том, что противопоставление этих понятий — случай исключительный или, точнее, характерный для одной из национальных теоретических школ — немецкой. В Германии (и только там, по утверждению Хантингтона) принято ассоциировать цивилизацию с «техникой, технологией и материальными факторами» в то время, как культура подразумевает все, что связано с «ценностями, идеалами, высшими художественными и моральными качествами общества» [17, с. 48]. Такая позиция является действительно не самой распространенной, но важнее, что она становится совсем не продуктивной в случае, если речь идет о цивилизационной идентификации. Трудно не согласиться с Хантингтоном в том, что самоопределение современного человека невозможно вне таких категорий, как история, общество, религия, ценности, традиции. Но этот тезис (по понятным причинам) неотделим от другого тезиса о том, что «мы узнаем, кем являемся, только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаем, против кого мы» [17, с. 47]. Разумеется, «столкновение цивилизаций» как метафора современного политического порядка в своей основе имеет не просто идею о том, кто мы, но и о том, в чем наше отличие от других. Для Хантингтона к этому добавляется вопрос о том, «против кого мы». Так вот эти отличительные особенности, по сути, и составляют цивилизационную идентичность или цивилизацию, которая включает в себя и то, что условно можно назвать «проявленным» и то, что можно обозначить как «непроявленное»: «И цивилизация, и культура относятся к образу жизни народа, и цивилизация — это, — пишет Хантингтон, — явно выраженная культура. Оба этих понятия включают в себя “ценности, нормы, менталитет и зако-

ны, которым многочисленные поколения в данной культуре предавали первостепенное значение”» [17, с. 48]. Важно в данном случае понять, какие именно ценности и нормы лежат в основе цивилизации.

Запад и «не-Запад»: противостояние ценностных систем

Интересно, что, несмотря на классификацию, подразумевающую наличие восьми цивилизаций, Хантингтон, говоря о цивилизационном столкновении, акцентирует внимание на противостоянии Запада и «не-Запада» как собственно ценностных систем, утверждая при этом, что противопоставление «Запад-Восток» является слишком примитивным: «Вместо выражения “Восток и Запад” более уместно употреблять “Запад и остальные”, что, по крайней мере, подразумевает существование многих не-Западов. Мир слишком сложен, чтобы его можно было в большинстве случаев просто разделять в экономическом плане на Север и Юг и в культурном — на Восток и Запад» [17, с. 34].

Автор «Столкновения цивилизаций» абсолютно убежден в том, что Запад един как ценностная система в то время, как «не-западные» страны объединяет то, что они «не-западные». Но, кажется, что это лукавство (преднамеренное или нет — не важно). По мере рассуждений о ключевых признаках (которые во многом переключаются с ценностями) западной цивилизации, Хантингтон находит противоположные им в цивилизациях, которые он называет не-западными. В итоге мы получаем то, что в современные учебники по политической науке вошло как классификация политической культуры по критерию «Запад — Восток». В соответствии с этой классификацией характерный для Запада индивидуализм противопоставляется восточному принципу коллективизма, свобода — сильной централизованной власти, право — обычаю, прагматизм — идеализму, плюрализм — монизму, гражданский суверенитет личности — суверенитету государства, рационализм — религиозности и т. д. [15, с. 352–354]. На самом деле, здесь нет никакого противоречия: книга Хантингтона о цивилизационном столкновении, в результате которого меняется политический порядок, но в основе этого столкновения — борьба ценностных систем.

Несмотря на понятную ангажированность работы Хантингтона, в ней высказаны идеи, которые во многом объясняют,

почему все попытки Запада приобщить «не-Запад» к своим ценностям обречены на провал. Автор «Столкновения цивилизаций» неоднократно подчеркивает, что Запад — самая могущественная цивилизация, но ее «могущество по отношению к другим цивилизациям сейчас снижается. В то время как Запад пытается утвердить свои ценности и защитить свои интересы, не-западные общества стоят перед выбором. Некоторые из них предпринимают попытки подражать Западу, присоединиться к нему и слиться с ним. Другие конфуцианские и исламские общества стремятся нарастить свою экономическую и военную мощь, чтобы противостоять Западу, создавая достойный противовес» [17, с. 26]. Здесь Хантингтон попадает в ловушку, в которой оказываются практически все западные мыслители, пытающиеся рассуждать на тему ценностного противостояния. Он размышляет и говорит о ценностях изнутри, как яркий представитель западной культуры.

В западной цивилизации с ее рационализмом и прагматизмом ценность — это то, что должно быть обретено, то, что впоследствии будет использовано, то, что можно посчитать, а еще лучше капитализировать. Если переводить это на язык аксиологии, то ценность в западной интерпретации — это цель, причем цель достижимая. Об этом очень точно говорит другой американский философ Фрэнсис Фукуяма в своей последней книге «Либерализм и его критики»: «Либерализм преодолел все трудности и к концу XX века стал организующим принципом политики большинства стран мира. О его долговечности свидетельствует тот факт, что либерализм имеет в своей основе практические, моральные и экономические обоснования, которые понятны большинству людей особенно после изнурительной борьбы с альтернативными политическими системами. Либерализм — неустаревшая» доктрина, как предполагает Владимир Путин, а доктрина, которая по-прежнему необходима в нашем разнообразном глобализованном мире. Именно по этой причине необходимо вновь сформулировать обоснования либеральной политики, а также причины, по которым именно она сегодня нужна людям» [21, р. VII]. Люди должны ощущать, чувствовать блага либерализма¹. Нельзя не хотеть быть свободным, здоровым, богатым, успешным, то есть таким, каким идеальный

современный человек предстает в западной системе ценностей. Трудно не согласиться, что это очень мощный довод для оправдания того, что называется «вестернизацией», распространением и навязыванием западных ценностей, идеалов и норм «не-Западу». Завоевать умы тех, кто по определению не принадлежит к западной цивилизации, привлекая, например, философские размышления о свободе, равенстве, благе — дело чрезвычайно сложное. Но если и цивилизация, и культура «имеют отношение к образу жизни народа», то изменить образ жизни, показывая, что такое «жить хорошо», означает сделать очень важный шаг к внедрению в чужое сознание необходимых идей.

«Всемирное исследование ценностей»: о материальности постматериального

Надо сказать, что в этом направлении активная работа на западе ведется давно и безуспешно. Причем речь вовсе не о точечных всплесках, выраженных в отдельных теоретических разработках, вроде работ Хантингтона и Фукуямы, но о продолжительных и чрезвычайно масштабных исследованиях, к которым относится «Всемирное исследование ценностей» (World Values Survey). Это исследование, которое ведется с 1981 года учеными по всему миру и целью которого является «научное и академическое изучение социальных, политических, экономических, религиозных и культурных ценностей людей в мире»². Идейным вдохновителем, основателем и первым президентом этой международной исследовательской программы является Рональд Инглхарт, известный своими работами по ценностной проблематике.

Даже беглый обзор сайта, посвященного всемирному исследованию ценностей, позволяет сказать, что, во-первых, за 43 года проведена огромная работа в соответствии с той задачей, которая заявлена руководителями проекта (социальные, экономические, политические, религиозные и культурные ценности по всему миру активно исследуются), во-вторых, они исследуются по определенным критериям. Речь идет о системе Инглхарта и его соавтора Кристиана Вельцеля, которые говорят «о двух измерениях межкультурной изменчивости» — традиционные ценности против секулярно-рациональных ценностей и ценности выживания против

¹ В контексте исследования Ф. Фукуямы можно интерпретировать либерализм не просто как идеологию, а именно как систему ценностей, на которой стоит западная цивилизация.

² WVS Database. URL: www.worldvaluessurvey.org (дата обращения: 01.09.2024)

ценностей самовыражения. Социальное развитие определяется движением от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, от ценностей выживания — к ценностям самовыражения¹. Важно при этом, что «для стран Востока характерны ценности выживания, а для стран Запада — ценности самовыражения», поскольку «в либеральной постиндустриальной экономике все больше людей воспринимают выживание и свободу мысли как нечто само собой разумеющееся, в результате чего наиболее ценным становится самовыражение»². Выводы, сделанные Инглхарт и Вельцелем дают возможность еще раз убедиться в том, что, говоря о ценностях, авторы всегда подразумевают нечто, имеющее отношение не просто к реальности, а к образу жизни или даже к качеству жизни.

Общая логика прослеживается четко: движение вперед (социальное развитие) подразумевает увеличение показателей уровня жизни, социально-экономическое благополучие, которое определяется свободой. Казалось бы, основная ценность найдена — это свобода. Едва ли можно спорить с тем, что свобода — одно из тех понятий, которое будоражит умы не только профессиональных философов, но и обывателей, которые хотя бы иногда задумываются над собственной жизнью. Но именно на при-

мере подхода к рассмотрению свободы как ценности раскрывается фундаментальное расхождение между западным и «не-западным» восприятием ценности как таковой.

Понимание Инглхартом и Вельцелем свободы практически совпадает с тем пониманием свободы, о котором говорит, например, Фукуяма, усердно защищая либерализм в упомянутой выше работе. В какой-то момент кажется, что свобода просто подменяется понятием автономии личности. Это, разумеется, неслучайно и очень важно. Ограничение понятия свободы рамками автономии личности позволяет как раз «овеществить» свободу. Интересно, что такое «овеществление» становится возможным, когда свобода помещается в социально-политический и/или экономический контекст. Контекст этот можно называть по-разному. В наиболее привычных вариантах это может быть либерализм, неолиберализм или демократия. В авторской терминологии могут возникать такие понятия, как «политика идентичности» (Фукуяма) [21], «эмансипационная политика» (Гидденс) [2] или «эмансипативная демократия» (Инглхарт и Вельцель). Но всегда речь идет об одном и том же: развитие общества и политических институтов определяется движением от не-свободы к свободе, которая, в свою очередь, сопровождается активизацией политического участия индивида. И здесь не было бы ничего оригинального (ведь речь, по сути, идет о классической либеральной теории социально-политического развития), если бы не одна деталь. Эта деталь бросается в глаза во Всемирном исследовании ценностей.

У Инглхарта и Вельцеля социальное движение вперед определяется «эмансипативными ценностями», которые представляют собой наиболее совершенную форму ценностей самовыражения. Так вот современное, развитое государство — это государство, в котором граждане активнейшим образом стремятся «самовыразиться». Политическое участие удивительным образом оказывается не отделимо от индивидуального самовыражения и в некотором смысле даже определяется им. Апогеем либерализма как идеологии в классическом смысле становится то, что можно назвать «эмансипативным беспределом». Впрочем, Инглхарт и Вельцель так не считают: «Общества, в которых делают акцент на ценностях выживания, имеют относительно низкий уровень субъективного благополучия. Речь идет об относительно плохом состоянии здоровья, низком уровне межличностного доверия, относительно нетерпимости к внешним

¹ «В традиционных ценностях важную роль играет религия, поколенческие связи, уважение к авторитету и традиционные семейные ценности. Люди, которые разделяют эти ценности, также отвергают разводы, аборт, эвтаназию и самоубийства. Эти общества отличаются высоким уровнем национальной гордости и националистическими взглядами. *Секулярно-рациональные ценности* представляют собой противоположность традиционным ценностям. В этих обществах, где распространены эти ценности, меньше внимания уделяется религии, традиционным семейным ценностям и авторитету. Развод, аборт, эвтаназия и самоубийство считаются относительно приемлемыми. (Самоубийство не обязательно является более распространенным явлением). В обществах, где господствуют *ценности выживания* акцент сделан на экономической и физической безопасности. Это связано с относительно этноцентрическим мировоззрением и низким уровнем доверия и толерантности. В странах, где доминируют ценности *самовыражения*, придается большое значение защите окружающей среды, растущей терпимости к иностранцам, геям и лесбиянкам и гендерному равенству, а также растущим требованиям участия в принятии решений в экономической и политической жизни» [WVS Database. URL: www.worldvaluessurvey.org (дата обращения: 01.09.2024)].

² WVS Database. URL: www.worldvaluessurvey.org (дата обращения: 01.09.2024).

группам и низкой поддержке гендерного равенства¹. В таких обществах наибольшую значимость приобретают материальные ценности. Здесь можно наблюдать относительно высокий уровень веры в науку и технику, низкий уровень экологического активизма и благосклонность к авторитарному правительству. Общества, в которых высоко ценят самовыражение, как правило, имеют противоположные характеристики по всем этим аспектам. В целом, ценности самовыражения отражают эмансипативный и гуманистический этос, в котором очевидны человеческая автономия и свобода выбора. Когда выживание под вопросом, культурное разнообразие кажется угрожающим. В отсутствие экономической занятости и сопутствующей бедности иностранцы воспринимаются как опасные чужаки, которые могут лишиться человека средств к существованию. Люди цепляются за традиционные гендерные роли и сексуальные нормы, делая акцент на абсолютных правилах и хорошо знакомых нормах, в попытке максимизировать предсказуемость в неопределенном мире. И, наоборот, когда выживание начинает восприниматься как нечто само собой разумеющееся, этническое и культурное разнообразие становится все более приемлемым. Более того, после определенного момента разнообразие не только терпимо, но и становится положительно ценным, потому что оно интересно и стимулирует к развитию. В постиндустриальных обществах люди ищут зарубежные рестораны, чтобы попробовать новые виды кухни. Они платят большие суммы денег и путешествуют на большие расстояния, чтобы познакомиться с экзотическими культурами. Изменение гендерных ролей и сексуальных норм больше не кажется угрожающим². Эта цитата во многом является квинтэссенцией западного восприятия ценностей. «Неблагополуч-

ные страны», для которых, по Инглхарту и Вельцелю, характерна приверженность к ценностям выживания, нетерпимы к тому, что исследователи называют «этническим и культурным разнообразием». Заметим при этом, что к «культурному разнообразию» относят в равной мере (через «запятую») зарубежные рестораны и вариации на тему сексуальных норм. При этом сохраняется общий прагматический подход, столь характерный для западного восприятия ценностей: восприятие свободы (или вообще чего-то значимого, ценного) должно ощущаться, входить в жизнь индивида и желательно (из вышеприведенного фрагмента это отчетливо видно) ощущаться на телесном уровне. Вывод, который не прописан, но отчетливо читается: если государство хочет развиваться и желает благополучия для своих граждан, оно не может не принимать правильность вектора общественного развития, который предлагают Инглхарт и Вельцель. А в последнем пределе необходимо принять как раз ценности, которые продвигает «западная цивилизация».

Интересно при этом, что граждане «неразвитых» в ценностном смысле стран — приверженцы материальных ценностей. Это парадоксально и симптоматично одновременно. Понятно, что Инглхарт и Вельцель связывают эту материальность исключительно с социально-экономическими причинами: люди в «неразвитых» странах вынуждены заботиться о насущном — пропитании и безопасности. А жизнь «развитых» стран построена на ценностях постматериальных. Но постматериальные ценности оказываются, в конечном счете, гораздо более материальными, чем материальные ценности «неразвитых» стран.

На первый взгляд, мы имеем дело с развитием античной идеи о цели существования государства, состоящей в обеспечении гражданам благой жизни. Проблема заключается в том, что благо (благополучие) граждан развитых стран — благо, которое не просто может, но в некотором смысле должно быть куплено, посчитано, оценено. «Ценность» и «цена» сближаются настолько, что превращаются фактически во взаимозаменяемые понятия. В картине мира, которая определяется взаимозаменяемостью этих понятий, нет места «непродажным ценностям»³.

³ Метафора «непродажные ценности» принадлежит А.С. Панарину, который называет «непродажными» коллективные ценности — родной язык и священную землю предков, национальную территорию и национальные интересы, гражданский и

¹ В контексте проблематики настоящей статьи нельзя не отметить, что в системе ценностных координат, предложенной Инглхартом и Вельцелю, США принадлежат к обществам с высокими показателями по традиционным ценностям и ценностям самовыражения (вместе с большей частью стран Латинской Америки и Ирландией), Россия — к обществам с высокими показателями по светским рациональным ценностям и ценностям выживания (вместе с Болгарией, Украиной, Эстонией). Светские рациональные ценности и ценности самовыражения разделяют такие страны, как Швеция, Норвегия, Япония, Бенилюкс, Германия, Франция, Швейцария, Чешская Республика, Словения и некоторые англоговорящие страны [WVS Database. URL: www.worldvaluessurvey.org (дата обращения: 01.09.2024)].

² WVS Database. URL: www.worldvaluessurvey.org (дата обращения: 01.09.2024).

Фактически именно такие «непродажные ценности» фигурируют в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 года под номером 809 и называются «традиционными духовно-нравственными ценностями». Разумеется, говорить о том, что любые ценности не-западных цивилизаций подходят под определение традиционных духовно-нравственных ценностей, не приходится. Кажется также странным пропагандировать их превосходство над западными ценностями (это означало бы использовать тактику противника). Но сегодня очевидно необходимо заявить о цивилизационной мощи, которая фундирована этими ценностями. И России в этом цивилизационном противостоянии, конечно, отведена особая роль и в теоретическом, и в геополитическом смысле. Эту роль не оспаривал никто из больших теоретиков, занимавшихся цивилизационной проблематикой. Хантингтон, например, говорит о необходимости признать Россию «стержневой страной православной цивилизации», имеющей собственные законные национальные интересы, говорит о ее уникальной сущности [17, с. 513]. Надо отдать должное Хантингтону и в том, что, продвигая главный тезис своей работы, состоящий в том, что «в мире после “холодной войны” культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта» [17, с. 15], он понимал, что конфликты неизбежны именно потому, что Запад отказывается отделять модернизацию от вестернизации (об этом, Инглхарт и Вельцель, кажется, забыли). По мнению Хантингтона, распространение западных ценностей не приведет к возникновению «всеобщей цивилизации», Западу придется смириться с существованием не-западных ценностей, за которые будут бороться цивилизации, сформированные благодаря им, либо конфликтовать. Сегодня становится абсолютно ясно, какой путь выбрала западная цивилизация.

Цивилизационная война: особенности и опасности

Экстраполируя наши общетеоретические размышления на современную геополитическую ситуацию, которая сложилась в мире, можно утверждать, что сегодня ни у кого уже не вызывает сомнения, что мы имеем дело с наиболее мощным и масштабным за последние годы геополитическим воинский долг [13].

столкновением. С одной стороны, выступает в этом столкновении «коллективный Запад», с другой, — Россия. Данное геополитическое столкновение уже давно приобрело с обеих сторон характер открытой вооруженной борьбы.

Мы считаем, что нынешнее геополитическое столкновение нужно рассматривать как цивилизационную войну. В чем главная особенность цивилизационных войн? Эта особенность заключается в том, что целью одной из сторон является не только захват территорий, материальных и людских ресурсов противника, и в конечном итоге его ослабление, подавление (обычные цели практически всех войн в мировой истории), но и уничтожение народа не только путем физического истребления (это не всегда возможно), но и путем уничтожения его национальной идентичности.

Именно перед такой угрозой оказалась в настоящее время Россия, которая находится в состоянии «прокси-войны» с Западом, который на постоянной основе снабжает Украину финансами, оружием, боеприпасами, военными инструкторами, данными воздушной (в том числе, и космической) разведки. Этот же Запад прямо и открыто через своих официальных представителей заявил о том, что его целью является не только ослабление России, но и ее уничтожение как суверенного государства, ее расчленение на несколько управляемых извне территорий, из которых можно будет бесконтрольно выкачивать природные ресурсы, нещадно использовать имеющиеся промышленные комплексы и коммуникации.

Перед такой смертельной угрозой Россия оказалась не впервые. Последний раз такие цели ставили перед собой гитлеровские стратеги в период Второй мировой войны. План захвата СССР (План «ОСТ», обнародованный на Нюрнбергском процессе и в более позднее время) включал в себя не только захват советских территорий до линии Архангельск — Волга — Астрахань, не только использование захваченных ресурсов, но и изменение мировоззренческих установок в сознании оставшихся советских людей, которых предполагалось использовать как рабов для обслуживания немецких переселенцев. Для этого были разработаны специальные программы и методики начального немецкого образования, средства массовой информации и «культурная» работа с населением [14].

Подобные же планы по отношению к будущему России разрабатывают и нынешние западные стратеги [7]. При этом надо иметь в виду, что возможности идеологического

и информационного влияния на сознание людей со времен Второй мировой войны неизмеримо возросли. Новыми и очень мощными ресурсами такого влияния являются Интернет, социальные сети, печатные и электронные СМИ, телевидение, сфера массовой культуры.

Таким образом, важнейшей целью цивилизационной войны, которую в настоящее время Запад ведет с Россией, является российская национальная идентичность, система исторических духовно-нравственных ценностей российской цивилизации.

Разумеется, классическая стратегия цивилизационной войны — захват территорий и ресурсов, а потом уже переделка сознания людей — в нынешних условиях по отношению к ядерной державе, в доктринальных государственных документах национальной безопасности которой в случае явной угрозы государственному суверенитету предусмотрена возможность превентивного ядерного удара, реализована быть не может. Поэтому остается один путь — развал российского общества и его национальной идентичности изнутри. И для достижения этой цели западными странами выделены огромные финансовые и интеллектуальные ресурсы. На это работают мощные аналитические центры, кластеры социальной инженерии, все возможные информационные ресурсы, к которым подключаются новейшие методики искусственного интеллекта [7; 8].

Каковы же главные направления и цели ударов противника на ценностном фронте нынешней гибридной прокси-войны?

Первое. Замена традиционных ценностей антихристианской, постмодернистской моралью, а точнее — аморализмом. Кардинальное изменение отношения населения, особенно молодежи, к историческим общественным институтам: государство, материальное производство и семья. С плодами такой деструктивной деятельности мы уже сталкивались в новейшей истории во время студенческих волнений во Франции в 1968 году. Теоретиком и идеологом революционных движений выступил тогда неомарксист франкфуртской школы Герберт Маркузе, который увидел именно в учащейся молодежи «инстинктивный отказ от сотрудничества с системой». Маркузе призывал к отказу подчиняться государственным институтам, от участия в созидательном труде, от семьи, как базовой ячейки общества, т.е. от всего того, что фундировало человеческое общежитие на протяжении многих веков [1]. Вместо этого предлагался гедонистический культ плотских страстей и наслаждений, гендерное

разнообразие, приоритет частных интересов над общими, прав меньшинств над правами большинства. Следует отметить, что популярность такой идеологии и морали, которая в 1960–1970-х гг. привела к буму радикальных и неформальных движений в США и в Европе, потом несколько поубавилась, но не исчезла полностью и в любой критический момент выходит на поверхность.

Сказанное относится не только к Западу, но и к России. В нашем обществе исторически присутствуют зерна антигосударственного бунтарства и радикального нигилизма, которые нашли свое художественное отражение в великой литературе XIX века. Образы нигилистов (отрицателей всего и вся, которым Достоевский приклеил более жесткий ярлык — «бесы», Онегин, Базаров, Рахметов, Ставрогин и др. художественные персонажи) красной нитью проходят через всю общественную и культурную жизнь дореволюционной России [11]. Последователей этих нигилистов-бесов достаточно и в современном российском обществе.

Второе. Снижение уровня и качества системы образования. Введение западной болонской системы в российское образование. Можно перечислить деструктивные последствия данной акции, которая, несмотря на протесты и предостережения научного и образовательного сообщества [12], практиковалась у нас в стране на протяжении 15 лет: 1) бакалавризация российской высшей школы: выпуск армии молодых бакалавров, т.е. недоученных молодых людей, получивших, по сути, неоконченное высшее образование и поэтому столкнувшимися с большими трудностями и ограничениями на рынке труда; 2) исключение из образовательного процесса воспитательной компоненты; 3) организованная государством академическая «мобильность», которая оказалась для многих талантливых молодых людей дорогой в один конец и за государственных счет, что подхлестнуло и так активную утечку мозгов за рубеж; 4) ориентированная исключительно на западные научные журналы и библиографические базы данных наукометрия, как мерило оценки качества и количества научной деятельности российских ученых [3].

Эти решения в образовательной и научной сфере нанесли ущерб нашей стране. В настоящее время эти решения пересматриваются, но делается это очень медленно (отказ от болонской системы провозглашен, но начало перехода к новой национальной системе высшего образования намечено только на 2025–2026 гг. [5]. Значит, новых

выпускников-специалистов страна получит не раньше 2030–2031 гг.).

Особенно деструктивным по своим последствиям стало прекращение какой-либо воспитательной работы. Само «воспитание» трактовалось как ограничение свободы личности, принуждение и т.п. На самом деле, это исторически сложившая мировая практика. Например, во французском языке слово «élever» (воспитывать) имеет два значения: 1) возвышать, возносить; 2) растить, воспитывать. Знаменитый писатель и переводчик Андре Моруа пишет: «Воспитывать ребенка — значит делать его ум и нрав возвышеннее, значит вести его к нравственным вершинам» [10, с. 216]. Аналогичную трактовку мы находим и в русском словаре Даля: «воспитывать» — заботиться о вещественный и нравственных потребностях малолетнего, ...научать, наставлять, обучать всему, что для жизни нужно» [4, с. 220]. Складывается впечатление, что в свое время кто-то специально, исключая из общественной жизни воспитание, специально создавал вакуум, хорошо понимая, что эта идеологическая пустота будет обязательно заполнена. И она заполнилась разрушительными для нашего общества западными идеологическими продуктами¹.

Третье. Отрыв сознания населения от национальных исторических корней. Для этого надо искажать, фальсифицировать национальную историю.

История (и главное — учебная) пишется людьми, которые при этом могут преследовать разные цели. Можно сфокусировать внимание людей (особенно, молодежи) на «темных», трагических, неудачных страницах истории, которые можно найти у любого народа — это ведет к размыванию ценностной основы цивилизации и поэтому это тактика войны в аксиологическом смысле. А можно сфокусировать внимание на другом — на величайших победах и свершениях российской истории. Здесь, безусловно, выделяются *военно-политические победы* России на протяжении шести последних столетий (Золотая Орда, Швеция, наполеоновская Франция, гитлеровская Германия), которые спасли мир от притязаний на мировое господство какой-то одной державы. Второе — это *великая российская художественная литература и искусство XIX — начала*

XX в., оказавшие и оказывающие до сих пор благотворное влияние на мировую культуру. И третье — это всемирно значимые *научно-технические открытия и достижения конца XIX–XX вв. российских ученых и техников*.

Четвертое. Тотальное и бесконтрольное распространение компьютерных технологий и устройств. Цифровизация в последние десятилетия кардинально изменила общество, она проникла во все его сферы, в государственную, общественную и частную жизнь, в коммуникации всех уровней. Но у всех великих открытий наряду с его положительными, созидательными сторонами, всегда обнаруживаются и отрицательные, разрушительные, — вспомним открытие атома.

Психолог из Санкт-Петербургского университета Л. А. Ясюкова со своими сотрудниками проанализировала изменения за последние 30 лет в уровне мышления порядка 6000 девятиклассников. Кроме того, проводились исследования с возрастными группами от 25 до 40 лет. В результате этих исследований выяснилось, что для российской молодежи разных возрастов характерны поверхностность мышления, пренебрежение качественным анализом, ошибки при принятии решений из-за непонимания причинно-следственных связей, неадекватность перспективного планирования. Одним словом, исследователи фиксируют тенденцию деградации креативного и логического мышления. Образы, символы, клипы доминируют над понятиями. Ясюкова считает, что под воздействием гаджетов формируется новый тип (или модель) интеллекта [19, 20].

Людьми без способностей творчески мыслить легче управлять и на них поэтому целевым образом направлены стрелы войны ценностей, которая ведется Западом против России.

Указанные выше процессы и явления характерны для всего современного мира, но они могут превратиться в целенаправленный инструмент цивилизационной войны, если не будет осуществляться государственная политика России по минимизации этих пагубных влияний.

Пятое. Разжигание противостояния отдельных групп населения на национальной и конфессиональной почве. В России в силу многовекового совместного проживания разных этнических групп, сделать это чрезвычайно сложно, но можно. Именно такая стратегия не без помощи западных центров реализовывалась во время трагических событий на Северном Кавказе в середине-второй половине 1990-х гг [6].

¹ См. : Лекция Министра просвещения Российской Федерации Сергея Кравцова «О развитии суверенной национальной системы образования». URL: <https://edu.gov.ru/press/6476/lekcija-ministra-prosvescheniya-rossiyskoy-federacii-sergeya-kravcova-o-razviti-i-suverennoy-nacionalnoy-sistemy-obrazovaniya> (дата обращения: 29.11.2024).

Необходимо отметить один, на первый взгляд, парадоксальный факт: опыты по уничтожению традиционных ценностей Запад уже давно обкатывает на собственной территории. Последнее действо — это открытие XXXIII Олимпийских игр в Париже, на котором была выставлена нелепая и кощунственная переделка картины Леонарда да Винчи «Тайная вечеря», на которой вместо Христа и его апостолов были показаны трансвеститы.

Заключение

Все эти опыты они разными путями переносят и внедряют в России. Правда, наши западные противники (а равно, как и их союзники — «русские европейцы», которые вольно или невольно им помогают изнутри) при выстраивании аксиологических стратегий допускают кардинальную методологическую ошибку. Они исходят того, что национальные ценности России — это симбиоз западных и восточных качеств.

Россия — уникальное и самобытное духовно-идеологическое образование, ядро которого сформировалось тысячелетней историей российской государственности в условиях уникального полиэтнического состава населения, особой климатической и природно-географической среды. Конечно, существуют и так называемые «общечеловеческие» ценности, но и они приобретают специфический национальный колорит в рамках самобытной и долгоживущей национально-государственной системы. По-другому и не может быть, поскольку изначально российское общество, вся его народная жизнь формировались на не-западном, а на ином, самобытном фундаменте¹.

Об этом писали и западные исследователи. Так, по мнению неоднократно упомянутого выше С. Хантингтона, «российская цивилизация — это продукт самобытных корней Киевской Руси и Москвы, существенного византийского влияния и длительного монгольского правления» [16, с. 258]. Хантингтон далее пишет: «Семь из восьми отличительных характеристик западной цивилизации — католическая религия, латинские корни языков, отделение церкви от государства, принцип господства права, социальный плюрализм, традиции

представительных органов власти, индивидуализм — практически полностью отсутствуют в историческом опыте России. Пожалуй, единственным исключением стало античное наследие, которое, однако, пришло в Россию из Византии и поэтому значительно отличалось от того, что пришло на Запад непосредственно из Рима» [16, с. 257–258].

Об этом пишут и современные авторы, в частности Г. Меттан: «Россия... стала постепенно вытесняться в западном сознании за пределы Европы и превратилась в особый, восточноевропейский мир. В XVIII веке понятие Европы включало Россию, но в 1850-х годах восторжествовала концепция западной цивилизации, в которой для России уже не было места» [9, с. 216].

Именно с учетом выделенных выше пяти (могут быть и другие) направлений стратегии и тактики разрушения системы духовно-нравственных ценностей российского общества, которые в ходе цивилизационной войны применяются Западом и должна выстраиваться государственная политика по сохранению традиционной российской цивилизационной идентичности.

1. Вархотов, Т. А. Метод против истины (Часть 2. Схизма с советским марксизмом и трансформация дискурса Франкфуртской школы) / Т. А. Вархотов // Вопросы теоретической экономики. — 2023. — № 3 (20). — С. 49–61. — DOI 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_49_61 — EDN XRBJS.

2. Гидденс, Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Э. Гидденс. — СПб.: Питер, 2004. — 208 с.

3. Одегов, Ю. Г. Болонизация образования — идти ли модернизации по этому пути дальше? / Ю. Г. Одегов, А. И. Гретченко // Уровень жизни населения регионов России. — 2023. — Т. 19, № 1. — С. 61–69. — DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_5_61_69. — EDN MHPNQ.

4. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть первая / В. Даль. — М.: Издание общества любителей Российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете, 1863. — 627 с.

5. Донских, М. В. Суверенное образование» как направление модернизации высшего образования в Российской Федерации / М. В. Донских, Т. В. Шукина // Образование и право. — 2024. — № 1. — С. 279–282. — DOI 10.24412/2076-1503-2024-1-279-282. — EDN HHREWG.

6. Жабский, В. А. Северокавказский вопрос: международное давление коллективного Запада на Россию как пролог гибридной войны / В. А. Жабский, А. А. Шувалов // Криминологический журнал. — 2023. — № 4. — С. 73–78. — DOI 10.24412/2687-0185-2023-4-73-78. — EDN EAQDCA.

¹ Стоит отметить, что ввиду актуальности задачи сегодня активно ведется работа по систематизации ценностных оснований существования российского общества, которые во многом подтверждают этот тезис [см., например, 18, с. 142–161].

7. Медушевский, А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (часть 1) / А. Н. Медушевский // Вопросы теоретической экономики. — 2023. — № 2 (19). — С. 85–98. — DOI 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98. — EDN RBPICM.

8. Медушевский, А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (часть 2) / А. Н. Медушевский // Вопросы теоретической экономики. — 2023. — № 3(20). — С. 92–107. — DOI 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_92_107. — EDN OLANGR.

9. Меттан, Г. Запад — Россия: тысячелетняя война / Г. Меттан. — М.: Паулсен, сор., 2016. — 462 с.

10. Моруа, А. Эссе / А. Моруа. — М.: Согласие, 2001. — 350 с.

11. Моцелков, Е. Н. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» как актуальное произведение, или Базаров сегодня / Е. Н. Моцелков // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма: Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений, Москва, 08–09 ноября 2018 года. — М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, 2019. — С. 36–48. — EDN DXYKER.

12. Образование, которое мы можем потерять. Сб. / Под общ. ред. ректора МГУ академика В. А. Садовниченко. — М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова: Институт компьютерных исследований, 2002. — 287 с.

13. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. — М.: Эксмо, 2003. — 415 с.

14. Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР. Сборник документов и материалов. М.: Кучково поле, 2015. — 399 с.

15. Пугачев, В. П. Введение в политологию / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев — М.: Кнорус, 2024. — 528 с.

16. Хантингтон, С. Борьба между цивилизациями / С. Хантингтон // Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: Алгоритм, 2016. — 286 с.

17. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2003. — 603 с.

18. Шевяков, М. Ю. Глубинные ценности жителей России глазами социолога (мировоззренческие разломы) / М. Ю. Шевяков, А. В. Михайленко, В. В. Ковалевская // Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов / под ред. В. А. Фадеева и Т. А. Вархотова. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2023. — 256 с.

19. Ясюкова, Л. А. Закономерности развития понятийного мышления и его роль в обучении / Л. А. Ясюкова. — СПб.: ГП ИМАТОН, 2005. — 256 с.

20. Ясюкова, Л. А. Изменение типа интеллекта подростков за период с 1990 по 2020 года / Л. А. Ясюкова // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. М.: Институт психологии РАН, 2020. — С. 496–505.

21. Fukuyama, F. Liberalism and Its Discontents /

F. Fukuyama. — London: Profile Books, 2022. — 178 p.

References

1. Varhotov, T.A. (2023) Method versus truth. Part 2. The schism with soviet marxism and transformation of frankfurt school's discourse. *Issues of economic theory*, no. 3, pp. 49–61. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_3_49_61. [in Rus].

2. Giddens, E. (2004) The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Saint Petersburg, Piter, 208 p. [in Rus].

3. Odegov, Yu.G., Gretchenko, A.I. (2023) Modernization of “bolonization” — which way to choose? *Living standards of the population in the regions of Russia*, no. 1, pp. 61–69. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_5_61_69 [in Rus].

4. Dal', V. (1863) Explanatory dictionary of the live great Russian language. Moscow, Publication of the Society of Lovers of Russian Literature, established at the Imperial Moscow University, 627 p. [in Rus].

5. Donskikh, M.V., Schukina, T.V. (2024) Sovereign education” as a direction of modernization of higher education in the Russian Federation. *Education and Law*, no. 1, pp. 279–282. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-1-279-282> [in Rus].

6. Zhabsky, V.A., Shuvalov, T.V. (2023) The north caucasus question: international pressure of the collective West on Russia as a prologue of hybrid warfare. *Criminological Journal*, no. 4, pp. 73–78. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-4-73-78> [in Rus].

7. Medushevskii, A.N. (2023) Cognitive warfare: social control, meaning-making and the instrument of the global dominance (part 1). *Issues of economic theory*, no. 2, p. 85–98. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98 [in Rus].

8. Medushevskii, A.N. (2023) Cognitive warfare: social control, meaning-making and the instrument of the global dominance (part 2). *Issues of economic theory*, no. 3, p. 92–107. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_3_92_107 [in Rus].

9. Mettan, G. (2016) West-Russia: The thousand years war. Moscow, Paulsen, sor., 462 p. [in Rus].

10. Morua, A. (2001) Essays. Moscow, Soglasie, 350 p. [in Rus].

11. Moschelkov, E.N. (2019) I.S. Turgenev's novel “Fathers and Sons” as an urgent work, or today's Bazarov. The world of civilizations and “modern barbarism”: the role of Russia in overcoming global nihilism. Moscow, «Institut naslediya», 472 p. [in Rus].

12. The education we may lose. Collection. Endorsed by the MSU rector A.V. Sadovnichy (2002). Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova: Institut komp'yuternyh issledovanij, 287 p. [in Rus].

13. Panarin, A.S. (2003) Globalism temptation. Moscow, Publ. «Eksmo», 415 p. [in Rus].

14. Pugachev, V.P., Solov'ev A.I. (2024) Introduction to the political science. Moscow, Knorus, 528 p. [in Rus].

15. Political and Strategic contents of the Third Reich's plans towards the USSR. The collection of documents and materials. (2015). Moscow, Kuchkov pole, 399 p. [in Rus].

16. Hantington S. (2016) The struggle of civilizations. Tojnbi A., Hantington S. Challenges and

answers. How civilizations die. Moscow, Algoritm, 286 p. [in Rus].

17. Hantington S. (2003) The clash of civilizations. Moscow, ООО «Publ. AST», 603 p. [in Rus].

18. Shevyakov M.Yu., Mihajlenko A.V., Kovalevskaya V.V. (2023) Deep-laid values of Russians as seen by the sociologist. *Axiological and intellectual foundations of Russia's strategic development in global challenges*. Pod redakciej V.A. Fadeeva i T.A. Varhotova. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 256 p. [in Rus].

19. Yasyukova L.A. (2005) The laws of conceptual thinking development and its role in education. Saint Petersburg, GP IMATON, 256 p. [in Rus].

20. Yasyukova L.A. (2020) The transformation of teenagers' intellect type in the period from 1990 to 2020. *Abilities and mental sources of the human in the world of global changes*. Moscow, Institut psihologii RAN, pp. 496-505 [in Rus].

21. Fukuyama F. (2022) Liberalism and Its Discontents. London, Profile Books, 178 p. [in Eng].

For citing: Alasania, K. Yu. (2024)
Destruction of Russia's spiritual values
as a goal of modern civilizational warfare.
Sotsium i vlast/Society and Power,
no. 4 (102), pp. 58–69.
<https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-4-58-69>.

UDC 327.8

EDN QULETH

DOI 10.22394/1996-0522-2024-4-58-69

DESTRUCTION OF RUSSIA'S SPIRITUAL VALUES AS A GOAL OF MODERN CIVILIZATIONAL WARFARE

Kira Yu. Alasania,
Lomonosov Moscow State University,
Associate Professor of the Department
of Philosophy of Politics and Law,
Doctor of Political Sciences, Associate Professor.
Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0002-7452-8882
E-mail: alasaniak@yandex.ru

Evgeny N. Moschelkov,
Lomonosov Moscow State University,
Head of the Department of Philosophy
of Politics and Law,
Doctor of Political Sciences, Professor.
Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0001-6608-2027
E-mail: enm@inbox.ru

Abstract

Introduction. Today, in the era of radical geopolitical clashes, the issue of the value bases of strengthening and developing the Russian state and society arises with particular acuteness. The authors of the article assume that the specifics of the current socio-political transformations can be described in terms of civilizational confrontation or "civilizational war".

The purpose of the study is to identify axiological aspects of the civilizational war, the main goal of which is the destruction of Russia's system of spiritual values.

Methods. The methodological basis of the study is the civilizational approach, based on the idea of culture as a spiritual formation, which is based on a certain value system, as well as historical and comparative methods that allow us to assess the dynamics of civilizational interactions.

Scientific novelty of the research. The article provides a consistent argumentation of why spiritual values, along with territories, industrial potential, natural resources, can and should be considered as the most important goal of the civilizational war that the collective West is currently waging against Russia.

Results. The article reveals the main directions and goals of the civilizational war. Among these directions there are the replacement of traditional values with anti-Christian, postmodernist morality, or more precisely, amoralism; reduction of the level and quality of the education system on the basis of the Bologna system; detachment of the consciousness of the population from the national historical roots; incitement of confrontation of separate groups of the population on national and confessional grounds.

Conclusions. The authors of the article come to the conclusion that the uniqueness and originality of the value core of the Russian civilization makes it possible to talk about successful resistance to the pressure of the West in the conditions of the civilizational war.

Keywords:
spiritual values,
civilizational war,
Russia,
West,
culture

Received: 01.09.2024

Accepted: 26.11.2024

Date of publication: 30.12.2024

Copyright: © Alasania K. Yu.,

Moschelkov E. N. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.

Open access under CC BY-NC License 4.0.